

ԵՐԵՎԱՆԻ ՊԵՏԱԿԱՆ ՆԱՄԱՍՏԱՐԱՆ

**ՆԱՅԱՍՏԱՆ - ԲՈՒՂԱՐԻԱ.
ԱՆՅՅԱԼԸ, ՆԵՐԿԱՆ ԵՎ ԱՊԱԳԱՆ**

Գիտաժողովի զեկույցների ժողովածու

ԵՐԵՎԱՆ

ԵՊՆ ՆՐԱՏԱՐԱԿԶՈՒԹՅՈՒՆ

2009

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СУБСТАНТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РУССКОМ И БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКАХ

Лексическое и грамматическое значения фразеологизма, составляющие смысловое содержание его, немислимы вне формы, поскольку фразеологизм как качественно определенная языковая единица представляет собой единство формы и содержания (1; 126).

Фактически каждый конкретный фразеологизм обнаруживает свою языковую природу наиболее полно и отчетливо в реальном речевом употреблении. При этом отнесенность фразеологизма к тому или иному разряду в реальном речевом употреблении проявляется в следующем:

1. фразеологизмы с общим значением лица или предмета не могут сочетаться со словами, определяющими действие, но свободно сочетаются со словами, обозначающими само действие;
2. фразеологизмы с общим значением лица или предмета имеют категории рода, числа, падежа, но не имеют категорий времени, вида, залога;
3. у одного разряда фразеологизмов один набор парадигматических форм, у другого – иной, у одних фразеологизмов ограниченный или полный набор парадигматических форм, у других их может не быть совсем.

В русском и болгарском языках более или менее четко вычленяются несколько лексико-грамматических разрядов фразеологизмов. Речь идет, разумеется, о таких общих классах, разрядах фразеологизмов, которые объективно различаются, то есть «называются самой языковой системой» (Л.В.Щерба).

При определении лексико-грамматических разрядов фразеологических единиц (ФЕ) мы опираемся на уже имеющийся опыт описания семантико-грамматических классов фразеологизмов. Может показаться, что среди ученых нет единого мнения о принципах классификации при разделении фразеологического фонда на семантико-грамматические категории. Однако принципиальных различий в способе определения грамматической категории ФЕ учеными нет: различия наблюдаются, скорее, в терминологии.

По-разному решается вопрос о количестве выделяемых семантико-грамматических групп. Но сколько бы разрядов ни называли исследователи, почти все они выделяют классы ФЕ, соотносимых с глаголом (или глагольным словосочетанием) и именами (существительными и прилагательными).

Именные ФЕ представляют собой обширный пласт во фразеологии различных языков, и исследователями фразеологического фонда им отводится главенствующее место наряду с глагольными. Среди именных ФЕ выделяются субстантивные, то есть фразеологизмы, функционально и семантически равные, эквивалентные имени существительному (2; 46-49; 3; 85). Они объединяются общим значением лица и общим значением предмета. Соответственно в сочетаниях со словами они могут быть субъектом действия, объектом или предикатом и употребляться в синтаксической функции подлежащего предложения, дополнения именной части сказуемого. Субстантивные ФЕ объединяются и тем, что у них есть грамматические категории рода, числа и падежа (исключая болгарские ФЕ, так как в болгарском языке нет формальных показателей категории падежа у имен существительных). Кроме того, субстантивные ФЕ объединяются тем, что могут выражать отношения и связи со словами в речи через парадигматические формы, набор которых в каждом случае употребления ФЕ определяется его синтаксической функцией (1; 131).

Предметом нашего рассмотрения служат русские и болгарские субстантивные ФЕ, состоящие из двух компонентов, выраженных только знаменательными словами, иначе говоря, это фразеологизмы, структурно организованные как атрибутивно-именные беспредложные словосочетания.

Среди русских и болгарских ФЕ с общим значением лица имеются фразеологизмы мужского, женского и общего рода, различие которых связано с формальными показателями, с постановкой при них слова-определения в определенном роде. Род имен существительных по своему значению не всегда зависит от того, соотносится ли само значение фразеологизма с лицом мужского или женского пола.

А. Субстантивные фразеологизмы мужского рода: *буриданов осёл, шут гороховый, стреляный воробей, синий чулок; гърмян заек, кучи син, брашнен чувал* и др. Форма генетического источни-

ка ФЕ здесь в одних случаях соответствует лексическому значению фразеологизма, относящемуся к лицу мужского пола: *маменькин сынок, мышинный жеребчик; стар волк, каталански син*, в других случаях не соответствует лексическому значению ФЕ, так как относится к лицу женского пола, типа *синий чулок* в русском языке.

Б. Субстантивные ФЕ женского рода: *валаамова ослица, дойная корова, мокрая курица; мамина дъщеричка* и др. Форма генетического источника ФЕ здесь в одних случаях соответствует лексическому значению фразеологизма, относящемуся только к лицу женского пола, типа *соломенная вдова; сламена вдовица, евина дъщеря, дяволска кост*, в других же случаях либо соответствует (когда лексическое значение ФЕ относится к лицу женского пола), либо не соответствует (если это же лексическое значение относится к лицу мужского пола), например: *верста коломенская; женска опашка, стара кримка*.

В. Субстантивные ФЕ общего рода в русском языке типа *казанская (казанский) сирота*, Форма генетического источника у такого фразеологизма – субстантивное словосочетание с существительным общего рода. Поэтому лексическое значение ФЕ может относиться как к лицу мужского пола, так и женского. Наличие формального варианта у первого компонента само по себе указывает, с одной стороны, на формальное разграничение отнесенности значения ФЕ к мужскому или женскому полу, с другой – на обязательное согласование фразеологизма со словом-определением в роде (этот казанский сирота и эта казанская сирота).

В болгарском материале выделяется ряд ФЕ, в которых стержневым является существительное «голова» или её пренебрежительное название: *празна глава, празна катуна, кухня глава* – все со значением «глупый человек, глупец». Перечисленные ФЕ по форме стержневого компонента могут быть отнесены к женскому роду, однако их употребление для характеристики лиц мужского пола свидетельствует о принадлежности данных ФЕ к категории общего рода. (Фразеологизмы *нощна птица, бяла врана* также относятся к лицам обоего пола). Например: «Той (бейт) е един харвало, един разкошник, един празна катуна» - Он (бей) – это какой-то транжира, какой-то расточитель, какая-то пустая башка, - где ФЕ является именной частью сказуемого в предложении с подлежащим, обозначающим лицо мужского пола. Однородные

сказуемые выражены словосочетаниями, в которых стержневое слово – существительное мужского рода, а определение *кратуна* (числительное *един* в функции неопределенного артикля) согласуется с ним в категории рода, однако словосочетание *един празна* выделяется из этого ряда тем, что при опорном существительном сказуемого имеется два определения разного грамматического рода: *един* – мужского рода, *празна* – женского рода. Категория падежа у подобных ФЕ формально выражена лишь когда фразеологизм используется в функции обращения, в этом случае ФЕ получает звательную форму – *празна главо!*

Г. Субстантивные фразеологизмы среднего рода: *чучело гороховое; бостанско плашило, буриданско магаре, лошо сърце* и др.

Субстантивные ФЕ с общим значением предмета также разграничиваются по родам в зависимости от формальных показаний. Здесь также имеются фразеологизмы мужского рода: *лакомый кусочек, дамоклов меч, фиговый листок; дамоклов меч, данайски дар, бич божии*; Фразеологизмы женского рода: *ахиллесова пята, первая ласточка, обетованная земля, горькая пилюля; ахилесова пета, първата лястовица, обетована земя, вартоломеева ноц*; и фразеологизмы среднего рода: *белое пятно, бабье царство, вавилонское столпотворение, осиное гнездо, шляпочное знакомство; бяло петно, женско царство, вавилонско стълпотворение, осе гнездо, вълшебна килимче* и др.

У многих субстантивных ФЕ русского и болгарского языков возможно как единственное, так и множественное число: *горячая голова и горячие головы, медвежий угол и медвежьи углы, первая ласточка и первые ласточки; първата лястовица и първите лястовици* и мн. др. Но есть и такие, которые имеют только единственное число: *аннибалова клятва, белый свет, берёзовая каша, всякая всячина, голь перекатная, красный петух, лебединая песня, девятый вал, прокрустово ложе; вълчи живот, ахилесова пета, лебедова песен, деветата вълна, прокрустово ложе* и др. Фразеологизмы, употребляющиеся только во множественном числе: *авгиевы конюшни, бабушкины сказки, злые языки, танталовы мухи, подводные камни, белые мухи; авгиеви обори, бабини деветини, зли езици, бели грижи, биволски нерви* и др.

«Парадигматическая дефективность» (К. Ничева) свойственна и именным (субстантивным) ФЕ болгарского языка, которые могут

быть ограниченными в отношении форм числа: *пето колело, дясна ръка*. Эти ФЕ употребляются только в единственном числе и могут приобретать членную форму: *петото колело, дяската ръка* (3; 89-90). Другие именные ФЕ встречаются только с членной формой (*злите езици, първата лястовица, деветата вълна*) или только без членной формы (*важна клетка, важни птици*).

У некоторых русских и болгарских ФЕ можно проследить и такую соотношенность с категорией числа: ФЕ, стоящие в форме единственного числа описывают качество одного человека, группы людей, указывают на массу, множество предметов (*чернильная душа, пятая колонна, крапивное семя, пушечное мясо; пладенишки разбойник, пета колона, пушечно месо*).

1. Молотков А.И. Основы фразеологии русского языка. Л., 1977
2. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. М., 1985
3. Ничева К. Българска фразеология. С., 1982
4. Андрейчина К., Влахов С., Димитрова Ст., Запрянова Кл. Руско-български фразеологичен речник. С.-М., 1980
5. Войнова Л.В., Жуков В.П., Федоров А.И. Фразеологический словарь русского языка. М., 1967
6. Жуков В.П. Школьный фразеологический словарь русского языка. М., 1980
7. Кошелев А., Леонидова М. Български-руски фразеологичен речник. С.-М., 1974
8. Ничева К., Спасова-Михайлова С., Чолакова Кр. Фразеологичен речник на българския език. Т.1, С., 1974; т.2, С., 1975